

тут ничем не поможешь, никакими примочками, вспрыскиваниями, втираниями. Это есть органическое поражение.

Пойдите теперь к другим людям. Возьмите несколько рядовых коммунистов. Пусть они соберутся, ну, хоть на митинг, не будучи даже знакомы друг с другом, из разных городов, разных возрастов. Пусть они сидят и говорят в ожидании своего дела со всею скупостью занятых и незнакомых людей — о случайном, коротком, немногословном чем-нибудь, наспех и небрежно. Войдите, вслушайтесь. Как-бы ни было хаотично и неглубоко то, что вы услышите, ваше впечатление будет несравненно острее. Все эти чужие люди — чем-то друг на друга похожи. Незнакомые — они как бы родственники. Их пребывание вместе — впечатляется в вас, как единство. Попробуйте бросить в центр этих людей обнаженную электрическую проволоку того, что называется „темой“, как люди сейчас же, сгруппировавшись, обнаружат единый подход, и перед вами возникнет явление коллектива. Здесь, в этой среде, в высокой степени налицо способность строить отношение, создавать связь. Коммунизм есть новое „дело связи“ и оно осуществляется новым молодым классом. Если вы художник из породы дальзозорких, вы должны сказать себе: да, мы уже потеряли стиль, — и они удивительно стильны. Выражение некоего единства, могучее присутствие стиля — вот что характеризует для нас, художников, приход на историческую сцену нового класса.

Но если перед нами уже налицо порода людей, имеющая стиль, значит должно быть во чреве и новое стильное искусство. Только расти оно должно из этого узла новых реальных отношений, нового коллектива, — а не из какого другого места. И нашим поэтам, художникам, архитекторам, актерам следует дать мудрый совет: смотрите в сторону восхода стиля! Смотрите туда, где вы действительно можете нечто увидеть, где налицо плодотворная выразительность явления. Учитесь на этой выразительности, ибо к стилю вас вынесет не индивидуальная утонченность, а налицо людского взаимоотношения. Ищите не красивых бусинок, а нитку, которая их нанизывает, — ибо подлинное искусство, как и все живое, есть всегда отражение связи.

МАРИЭТТА ШАГИНЯН.

Лев Бакст

Лев Бакст не играл крупной роли в ходе художественной жизни нашей за последние 10 — 15 лет. И не только потому, что жил это время безвыездно за границей. Разобщенность территориальная не помешала таким иностранцам, как Сезанн, Ван-Гог, Матисс, Пикассо, явиться вдохновителями ряда поколений русских художников. Причина не в этом причина иная, общая для всей группы „Мира Искусства“. Теоретик и идеолог этой группы, Алекс. Бенуа в момент наивысшего подъема „Sturm und Drang“ — а, про-

явленного „Миром Искусства“, в начале 900-ых годов совершенно правильно предвидел: „... Историческая необходимость, историческая последовательность требует, чтобы на смену тонкому эпикурейству нашего времени, крайней изощренности человеческой личности, изнеженности, болезненности и одиночеству — снова наступил период поглощения человеческой личности во имя общественной пользы или же высшей религиозной идеи“¹⁾..

Та атмосфера оторванности от подлинных запросов современности, которую культивировала у нас эпоха расцвета промышленного капитала конца XIX столетия и которая наложила печать свою на всех представителей группы „Мира Искусства“, во второе десятилетие XX века подверглась давлению новых течений. Раскаты надвигающейся мировой революции уже давали о себе знать. Искусство, вообще игравшее при буржуазном строе роль чуткого барометра общественных настроений, в лице своей крайней „левой“, своеобразно реагировало на требования момента. В то время, как „мир-искусники“ культивировали ретроспективизм, укрепляли идею незыблемости традиций — идею преемственности, художественный молодежь выбросил лозунг „футуризма“ и всемерно распатывал все устои, на которых покоилась старая эстетика.

Само собой разумеется, при такой обстановке Лев Бакст не мог бы оказать никакого влияния на развитие нашей художественной жизни, даже если бы он и не покинул пределы России.

К Баксту менее, чем к кому-либо из „мир-искусников“, приложимо требование Пушкинского „Пророка“: „Глаголом жги сердца людей“. Он весь в мастерстве. „У Бакста золотые руки, удивительная техническая способность, много вкуса, пламенный энтузиазм к искусству, но он не знает, что ему делать... В былое время „золотые руки“ Бакста нашли бы себе применение.. Бакст был бы декоратором, ювелиром, быть может, миниатюристом — мелким, но интересным и истинным художником“²⁾. Так писал Александр Бенуа в 1901 г. И Бакст, после долгих исканий, переходя от увлечения Влад. Маковским к Фортуну, от подражания Мейцелю к немцам-модернистам, от французов-импрессионистов к „старым“ мастерам, в конце концов нашел-таки себе настоящее применение. После того, как Дягилев привлёк его в качестве декоратора к своей театральной антрепризе, деятельность Бакста приобрела устойчивый характер. Постановки „Шехеразады“, „L'après midi d'un faune“ составили ему прочное имя и дали возможность широко развернуть природные способности декоратора.

В сфере театральной, как и в области украшения книги — (тут он, наряду с Сомовым и К. Лансере проделал большую работу по поднятию у нас типографского дела) — Бакст проявил себя „интересным и истинным художником“.

Он вполне оправдал характеристику „золотые руки“, данную ему Александром Бенуа.

С. ИСАКОВ.

¹⁾ История живописи в XIX веке. Русская живопись. Александр Бенуа. — Изд. товарищ. „Знание“. СПб 1901 г. — стр. 274.

²⁾ Там же. Стр. 267.

ДИСЦИПЛИНА ИСКУССТВА

Март 1929

МЕДИУМ
МОСКВА

Кем
УУ
21, 22, 24,
25, 27, 28, 30
31, 36, 40-42
44, 46

Е. А. СТЕПАНОВА
Артистка Академической оперы

1925 — № 1

№

1027

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЖИЗНЬ

ИСКУССТВА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ГАЙКА АДОНЦА (ПЕТЕРБУРГСКОГО).

Редакция и Главн. Контора
ЛЕНИНГРАД, ул. Плеханова, 2, телеф. 5-70-64.
Редакция ежедн от 3-6 ч.
Контора ежедн от 11-5 ч.
МОСКВА, Триумфальная—
Садовая, 20, тел. 60-98.
Втр, Чтв и Птн от 1-3 ч.

6 ЯНВАРЯ.

Выходит по вторникам.

1925 г.

8-й ГОД ИЗДАНИЯ.

Рабочая критика и пролетарское искусство

На наших глазах за короткое время выросло явление, имеющее огромное значение в советской общественности. Это—все более расширяющаяся по всему СССР сеть рабкоров и селькоров, освещающих из первоисточника жизнь трудящихся масс, организующих сознание рабочих и крестьян и направляющих его в русло советской идеологии. Рабкория—это тот неисчерпаемый запас непочатых творческих сил, который призван сыграть главную роль в создании пролетарской культуры.

Несомненно, что такая же ответственная и, может быть, еще более трудная задача лежит пред рабкорами, подошедшими к цитадели старой буржуазной культуры—к искусству.

Рабочая художественная критика—явление уже совсем молодое, далеко еще не окрепшее и делающее во многом свою работу на-ощупь и недостаточно организованно.

Если во всех областях общественной жизни твердый советский курс дает себя знать на каждом шагу и здесь путь рабкора ясен, определен и не встречает больших помех, то не то мы видим в сфере художественной жизни, где идейное руководство старых спецов далеко еще не сломлено, где советское мирозерцание не получило еще сложившихся форм, где все еще находится в периоде брожения и исканий.

Мы—на пути к завоеванию диктатуры пролетариата в области искусства, пути, несомненно, победоносном, но еще далеко до своего желанного конца. Здесь еще много впереди боевых схваток. Здесь борьба будет наиболее ожесточенной, ибо для наших идейных врагов она будет решающей и затрагивающей их „святая святых“. Сдача позиций на фронте культуры будет означать их окончательное поражение, поражение бесповоротное, от которого оправиться уже нельзя.

С тем большей энергией должна быть поведена осада старых художественных позиций. Первыми застрельщиками в этом деле и являются рабкоры, взявшиеся за художественную критику.

Обстановка, в которой им приходится действовать, пока еще мало благоприятна для успеха дела. Правда, во вражеском стане уже чувствуются тревога и смятение, там повяли свое положение осажденных, но отсутствие с нашей стороны правильных методов борьбы открывает возможность бесчисленных вылазок под флагом псевдореволюционности.

ЖИЗНЬ

ИСКУССТВА

Адрес редакции и конторы:

Ленинград, улица Плеханова, д. 2.

В МОСКВЕ редакции: — Триумфальная-Садовая, 20; конторы: — Страстной бульв., 4.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

во всех почтовых отделениях С.С.С.Р. до конца 1925 г.

Индивидуальная . . . 1 руб. в месяц

Коллективная . . . 90 коп. . . . .

За границу . . . . . 2 руб. . . . .

Имеются комплекты „Жизни Искусства“ за 1923 и 1924 г. по цене 12 руб. за экземпль. с перес.